
Ю. И. СЕМЕНОВ

УЧЕНИЕ МОРГАНА, МАРКСИЗМ И СОВРЕМЕННАЯ ЭТНОГРАФИЯ

«История всех до сих пор существовавших обществ была историей борьбы классов»¹ — такими словами открывается первая глава одного из величайших документов марксизма: «Манифеста Коммунистической партии», написанного в 1847 г. Однако дают ли они основание полагать, что К. Маркс и Ф. Энгельс считали в то время человеческое общество извечно классовым, извечно антагонистическим? На этот вопрос может быть дан лишь отрицательный ответ. Уже в самых ранних своих работах классики марксизма рассматривали частную собственность и неразрывно связанное с ней деление общества на классы как продукт длительного развития, имевшего своим исходным пунктом такое состояние человечества, которое характеризовалось господством коллективной собственности на землю и другие средства-производства².

Однако в целом их представления о структуре первобытного общества носили в то время самый общий характер. Объясняется это тем, что в 40-х гг. XIX в. наука по существу не располагала материалом, который позволил бы сколько-нибудь конкретно представить состояние, предшествовавшее возникновению классового общества. Бедность и отрывочный характер фактических данных открывали широкую дорогу для разного рода гипотез, носивших зачастую фантастический характер³.

Спустя сорок один год Ф. Энгельс в примечании к цитированному выше месту из «Манифеста Коммунистической партии» писал, что «в 1847 г. предыстория общества, общественная организация, предшествовавшая всей писаной истории, почти совсем еще не была известна»⁴. Именно отсутствие прочной фактической основы для реконструкции структуры доклассового общества и побудило К. Маркса и Ф. Энгельса ограничиться в названном выше произведении характеристикой лишь писаной истории, которая вся была историей борьбы классов, тем более что этого было вполне достаточно для поставленных целей.

В течение всей своей последующей научной деятельности основоположники марксизма неоднократно обращались к вопросам первобытной истории, были в курсе всех сколько-нибудь значительных дости-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 4, стр. 424.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, стр. 18—32, 49, 63.

³ Подробнее по этому вопросу см.: М. О. Косвен, История брака и семьи в истории науки до середины XIX века, «Сов. этнография», 1931, № 1—2; его же, Проблема доклассового общества в эпоху Маркса и Энгельса, «Сов. этнография», 1933, № 2; его же, Матриархат. История проблемы, М.—Л., 1948.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 4, стр. 424.

жений в этой области. В результате их представления о внутренней организации первобытного общества принимали все более отчетливый и конкретный характер. Накопившийся фактический материал все в большей степени подтверждал, что это общество базировалось на коллективной собственности на средства производства, было первобытно-коммунистическим.

Окончательно их взгляды на общество, предшествовавшее классовому, оформились после ознакомления с трудом Л. Г. Моргана «Древнее общество». Им было легко принять основные положения учения выдающегося американского этнографа, ибо эти положения, во-первых, представляли собой конкретизацию тех представлений о доклассовом обществе, к которым классики марксизма сами пришли в результате обобщения данных науки о первобытности, во-вторых, были основаны на том же понимании истории, которым К. Маркс и Ф. Энгельс руководствовались в своих исследованиях, а именно — на материалистическом ее понимании.

Не раз встречающееся в трудах Ф. Энгельса утверждение, что Л. Г. Морган в рамках своего предмета самостоятельно открыл материалистическое понимание истории⁵, вызывало и сейчас вызывает возражения со стороны исследователей, не стоящих на марксистских позициях.

Совершенно бесспорно, что даже в «Древнем обществе» имеются положения, которые нельзя расценить иначе как идеалистические. Так, Морган нередко говорит не об эволюции рода, семьи, собственности, а о развитии идеи рода, идеи семьи, идеи собственности, теоретически рассматривая тем самым развитие рода как результат развития идеи рода, эволюцию собственности как производное от эволюции идеи собственности и т. п.⁶ «Из небольшого числа зародышей мысли, возникших в ранние века, — читаем мы, например, в „Древнем обществе“, — развились все основные учреждения человечества. Начав свой рост в периоде дикости, находясь в состоянии брожения в периоде варварства, они продолжали свое развитие в периоде цивилизации. Эволюцию этих зародышей мысли вела за собой естественная логика, составляющая существенный атрибут мозга... Умственная история человеческой расы, раскрывающаяся в учреждениях, изобретениях и открытиях, представляет собой предположительно и историю данного вида, передававшуюся через отдельных личностей и развивавшуюся путем опыта»⁷.

В данном отрывке, несомненно, излагается идеалистическое понимание истории: разум правит обществом, совершенствование разума определяет прогресс трудовой деятельности и развитие общественных учреждений. Но идеалистом Л. Г. Морган является лишь в своих общих теоретических высказываниях. Практически же он почти везде, сам того отчетливо не сознавая, подходит к рассмотрению общественных явлений как убежденный материалист.

Исторический материализм Л. Г. Моргана отчетливо выступает при рассмотрении созданной им концепции развития первобытного общества. Великой заслугой Моргана перед наукой является открытие основы доклассового общества, его главной ячейки. Этой основой, как убедительно было показано Морганом, является род. Понимание доклассового общества как родового, как общества, в организации которого

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 25; К. Маркс и Ф. Энгельс Избранные письма, М., 1948, стр. 372.

⁶ Л. Г. Морган, Древнее общество, Л., 1934, стр. 3, 4, 7, 216, 315 и др.

⁷ Л. Г. Морган, Указ. раб., стр. 37.

«род является первичной формой, составляя как основание, так и единицу этой системы»⁸, открыло совершенно новую эпоху в разработке проблем первобытной истории.

Открыв, что доклассовое общество в своей основе было родовым, Л. Г. Морган резко противопоставил его обществу классовому, или, как он назвал его, политическому. Общество родовое и общество политическое представляют собой, по Моргану, два качественно отличных друг от друга типа общественного устройства, два типа социальной организации. «Опыт человечества,— писал он,— ... создал только два плана общественного строя, употребляя слово план в его научном смысле. Оба они были определенными и систематическими организациями общества. Первый и более древний представлял собой организацию социальную, основанную на родах, фратриях и племенах. Вторым и позднейшим представлял собой организацию политическую, основанную на территории и собственности»⁹.

Как показал Л. Г. Морган, родовое общество является первобытно-коммунистическим. Оно характеризуется коллективной собственностью на землю и другие средства производства, первобытно-коммунистической организацией хозяйства, равенством всех его членов, отсутствием эксплуатации человека человеком, отсутствием государства. Совершенно иной является природа общества «политического». Для него характерны господство частной собственности, существование имущественного и вообще социального неравенства, эксплуатация человека человеком, наличие государства. Выявив всю противоположность этих двух типов общественного устройства, Л. Г. Морган в то же время раскрыл связь между ними. На большом фактическом материале он показал, как в процессе исторического развития родовое общество порождает свою противоположность — общество политическое.

Им были четко выделены две основные формы родовой организации: род материнский и род отцовский и раскрыто их истинное соотношение. Он убедительно показал, что из этих двух форм материнский род является древнейшей, первоначальной, а отцовский — позднейшей, что переход от материнского счета родства к отцовскому неразрывно связан с разложением коллективной собственности и возникновением частной, что, следовательно, появление отцовского рода представляет собой шаг по пути от общества родового к обществу «политическому»¹⁰.

Существование отцовского рода в его поздней, реликтовой форме, как известно, было отмечено у ряда народов, находившихся на стадии классового общества, в частности у древних греков и римлян. Доказав, что отцовский род возникает из материнского в результате появления и развития частной собственности, Л. Г. Морган нашел связующее звено между народами «цивилизованными» и «нецивилизованными», сомкнул писаную историю человечества с неписаной, с тем, что прежде называлось «доисторией». В свете его открытия стало ясно, что существование «нецивилизованных» народов является этапом, необходимо предшествующим и подготавливающим появление народов «цивилизованных», и, соответственно, история последних является закономерным продолжением истории первых.

Созданное Морганом учение о первобытной истории полностью опровергает господствовавшую в этнографической науке патриархаль-

⁸ Л. Г. Морган, Указ. раб., стр. 134.

⁹ Там же, стр. 38.

¹⁰ Там же, стр. 38, 41, 197, 201 и др.

ную теорию, согласно которой основной ячейкой общества на протяжении всего его существования была моногамная семья или патриархальная. Как убедительно показал Морган, появление моногамной семьи было вызвано действием тех же факторов, которые обусловили превращение материнского рода в отцовский, — возникновением частной собственности и имущественного неравенства. Возникнув в эпоху разложения родового общества, она окончательно утвердилась с его превращением в общество классовое¹¹.

С выявлением истинной природы моногамной семьи перед Морганом возник вопрос о предшествующих ей формах семейно-брачных отношений. Непосредственная предшественница моногамной семьи была обнаружена им у народов, стоявших на стадии родового строя. Им была открыта парная семья и выявлено ее качественное отличие от моногамной.

Предшествовавшие парной семье стадии развития Л. Г. Морган попытался реконструировать путем анализа классификационных систем родства турано-ганованского и малайского типов и использования имевшихся в его распоряжении отрывочных и, как впоследствии выяснилось, не всегда достоверных сведений о семейно-брачных отношениях некоторых народов, которые он считал самыми примитивными из всех существующих. Наконец, в качестве исходного пункта развития человеческих отношений между полами он принимал промискуитет. Так возникла его схема эволюции брака и семьи: промискуитет — кровнородственная семья — семья пуналуа — парная семья — моногамная семья.

Возникновение кровнородственной семьи и ее трансформацию в пуналуальную, а также смену последней парной семьей Л. Г. Морган рассматривает как процесс, определяемый преимущественно не общественными, а естественными факторами. Превращение парной семьи в моногамную он связывает, как уже указывалось, с утверждением частной собственности и накоплением богатств, т. е. рассматривает как часть процесса трансформации родового общества в классовое.

Как видно из сказанного, превращение одного типа социального устройства — родового общества — в другой — общество «политическое» Л. Г. Морган прежде всего связывал с изменением отношений собственности, конкретно — со сменой коллективной собственности на средства производства частной собственностью. Повсюду в своей работе отношения собственности он рассматривает как фундамент, основу, на которой зиждятся все остальные общественные отношения, и соответственно, в изменениях отношений собственности он видит основу изменения всего общества в целом.

Коллективная собственность на землю и другие средства производства является базисом характерного для родового общества коммунизма домашней жизни и равенства всех его членов. Появление частной собственности неизбежно повлекло за собой возникновение имущественного неравенства, рабства, деспотизма и т. д. «Невозможно, — писал Л. Г. Морган, — преувеличить влияние собственности (частной. — Ю. С.) в истории цивилизации человечества. Это была та сила, которая вывела арийские и семитические нации из варварства в цивилизацию. Идея частной собственности развивалась в человеческом уме сначала слабо, но в конце концов превратилась в доминирующую страсть. Правительства и законы возникали прежде всего для ее создания, охраны и использования. Она ввела рабство как орудие созда-

¹¹ Л. Г. Морган, Указ. раб., стр. 41, 199, 219, 276—277, 281, 303 и др.

ния богатства и, после опыта нескольких тысячелетий, она же вызвала уничтожение рабства, когда обнаружилось, что свободный работник оказывается лучшей машиной для производства богатства»¹². «Вместе с собственностью,— подчеркивал Морган в другом месте,— развился постепенно и принцип аристократии, стремившийся создать привилегированные классы. Элемент собственности, который в сравнительно короткий период цивилизации стал в значительной степени господствовать в обществе, дал человечеству деспотизм, цезаризм, монархию, привилегированные классы и, наконец, представительную демократию. Он сделал приобретение собственности главной задачей цивилизованных наций»¹³.

Несмотря на нередкое употребление вместо слова «собственность» слов «идея собственности», причину существования в данную эпоху именно такой, а не иной формы собственности Морган искал отнюдь не в головах людей, не в их сознании. Фактором, определяющим тип собственности, он считает уровень развития способа «добычи средств существования». Соответственно совершенствование способа «добычи средств существования» он рассматривает как основу эволюции собственности, как причину смены одного типа собственности другим.

«Важный факт, что человечество начало свое развитие с самой нижней ступени и поднялось выше,— писал Морган,— выразительным образом раскрывается в последовательных видах их средств существования. От его способностей в этой области всецело зависел вопрос господства человечества на земле. Человек — единственное существо, о котором можно сказать, что он приобрел абсолютную власть над производством пищи, в чем он сначала был не выше других животных»¹⁴. «Самые ранние идеи собственности,— читаем мы дальше в «Древнем обществе»,— были тесно связаны с добычей средств существования, что составляло первую потребность человека. Число объектов частной собственности естественно возрастало в каждом последующем этническом периоде по мере увеличения количества тех производств, от которых зависели средства существования. Развитие частной собственности идет, таким образом, рядом с прогрессом изобретений и открытий. Каждый этнический период обнаруживает заметный прогресс по сравнению с предшествующим не только по количеству изобретений, но и по разнообразию и объему собственности, явившейся результатом этих изобретений»¹⁵.

Таким образом, в своих исследованиях Л. Г. Морган практически, сам этого отчетливо не осознавая, исходил из того, что основным признаком, отличающим человека от животного, является производство, что совершенствование способа «добычи средств существования» неизбежно влечет за собой изменение отношений собственности, а это в свою очередь имеет необходимым результатом переворот во всех остальных отношениях людей, во всем строе общества, т. е. Л. Г. Морган по существу руководствовался основными принципами материалистического понимания истории.

Практически выделив из всей массы разнообразных общественных отношений отношения собственности как основные, возникающие независимо от воли и сознания людей и определяющие все их остальные связи, Л. Г. Морган смог в значительной степени преодолеть тяготев

¹² Л. Г. Морган, Указ. раб., стр. 303—304.

¹³ Там же, стр. 195.

¹⁴ Там же, стр. 14.

¹⁵ Там же, стр. 315.

шее над всеми социологами-идеалистами представление об обществе. Выявив два качественно отличных типа собственности на средства производства: собственность коллективную и частную, Морган выделил и две качественно отличные друг от друга конкретно-исторические формы существования человеческого общества: общество родовое, первобытно-коммунистическое, и общество классовое; эти две формы являются одновременно и двумя последовательно сменившимися в результате совершенствования производства ступенями его исторического развития. Тем самым Морган вплотную подошел к марксистскому взгляду на историю человечества как на естественноисторический процесс смены общественно-экономических формаций. Материалистическое понимание истории помогло ему понять и исторически преходящий характер классового общества, неизбежность его смены обществом бесклассовым, коммунистическим¹⁶.

Изложенное выше делает вполне понятным ту высокую оценку, которая была дана труду Л. Г. Моргана основоположниками марксизма. «Относительно первобытного состояния общества,— писал Ф. Энгельс в 1884 г.,— существует капитальный труд, имеющий такое же решающее значение, как Дарвин в биологии; открыл его, конечно, опять-таки Маркс; это Морган, «Первобытное общество», 1877... Морган в границах своего предмета самостоятельно вновь открыл марксово материалистическое понимание истории и заканчивает в отношении современного общества непосредственно-коммунистическими требованиями. Впервые римский и греческий gens [род] вполне разъяснен посредством родовой организации дикарей, в особенности американских индейцев; таким образом, найдена прочная база для истории первобытного общества»¹⁷.

При ознакомлении основоположников марксизма с трудом Л. Г. Моргана произошло как бы своеобразное соединение двух путей, которые в целом ряде отношений вели к одному результату: дороги людей, которых обобщение конкретного материала с позиций материалистического понимания истории привело ко взгляду на первобытное общество как на примитивно-коммунистическое, и пути человека, которого открытие коммунистического характера первобытного общества привело к материалистическому пониманию истории. К. Маркс придавал открытию Моргана столь большое значение, что собирался изложить результаты его изысканий в специальной работе в связи с теми выводами, к которым он сам пришел в своих исторических исследованиях. Замысел, осуществить который помешала ему смерть, выполнил его верный друг и соратник.

В своей хорошо известной работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельс широко использовал материалы и выводы, содержащиеся в «Древнем обществе». Но был бы совершенно ошибочным взгляд на его труд как на простое переложение результатов изысканий Моргана. Книга Ф. Энгельса представляет собой самостоятельное, оригинальное исследование. «Было бы нелепо,— писал сам Ф. Энгельс,— лишь «объективно» излагать Моргана, а не истолковать его критически и, используя вновь достигнутые результаты, не изложить их в связи с нашими воззрениями и уже полученными выводами»¹⁸.

¹⁶ Л. Г. Морган, Указ. раб., стр. 329.

¹⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные письма, стр. 372. См. также, Соч., т. 22, стр. 223.

¹⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные письма, стр. 376.

Критическая переработка результатов изысканий Моргана была совершенно необходимой, ибо хотя он и исходил из материалистического понимания истории, к которому был подведен вскрытой им объективной логикой фактов, но само это понимание носило у него стихийный, а поэтому и ограниченный характер. Л. Г. Морган оказался не в состоянии ни теоретически осмыслить и сформулировать сколько-нибудь отчетливо те основные методологические принципы, которых он стихийно придерживался, создавая свою концепцию первобытной истории, ни полностью распространить их на остальные этапы истории человечества.

У Моргана не было сколько-нибудь четкого представления о производительных силах общества. Вместо понятия «развитие производительных сил» он пользовался довольно расплывчатым и неопределенным понятием «прогресс изобретений и открытий» и ему подобными. Еще более неопределенными были у него представления о производственных отношениях. Он сводил их по существу лишь к отношениям собственности, которые зачастую понимал не столько как отношения между людьми, проявляющиеся через вещи, сколько как отношение людей к вещам. Не выделялись им сколько-нибудь отчетливо среди отношений собственности отношения к средствам производства. Характерная для эпохи разложения родового строя и эпохи классового общества сложность экономических отношений не принималась им во внимание.

В силу этого связь между частной собственностью и эксплуатацией человека человеком, между частной собственностью и делением общества на классы представлялась ему в самом общем виде. Он видел ее, но глубоко разобраться в ней не смог. Не занимаясь специально анализом экономической структуры становящегося классовым и возникшего классового общества, Л. Г. Морган не мог понять, что представляют собой общественные классы, каково их место и роль в обществе. Это помешало ему до конца выявить сущность «политического общества», понять, что оно базируется не просто на частной собственности, а на эксплуатации человека человеком, что оно прежде всего представляет собой общество антагонистическое.

В результате он не смог подняться до понимания того, что существует несколько качественно различных типов антагонистических производственных отношений, что, следовательно, нет «политического общества» вообще, а существует несколько качественно различных друг от друга конкретно-исторических форм существования классового общества, являющихся одновременно и ступенями его развития, — несколько антагонистических общественно-экономических формаций: рабовладельческая, феодальная и капиталистическая.

Непонимание сущности деления общества на классы и роли классовой борьбы в истории «политического общества» не позволило Л. Г. Моргану выявить сущность государства. Вследствие всего этого проблема возникновения частной собственности и особенно классов и государства не получила в «Древнем обществе» своего подлинного решения. Она нашла его лишь в труде Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства».

Если 1—4 разделы книги Ф. Энгельса, посвященные происхождению и развитию рода, брака и семьи, основаны прежде всего, хотя и не исключительно, на материалах Л. Г. Моргана, то разделы 5—9, посвященные возникновению частной собственности, классов и государства, являются результатом совершенно самостоятельного исследования. Все эти вопросы разработаны Ф. Энгельсом, основывавшим-

ся на данных не только Моргана, но и других ученых, совершенно заново.

Высоко оценивая вклад Л. Г. Моргана, основоположники марксизма в то же время не сомневались, что в процессе развития науки многие из выдвинутых им положений неизбежно должны будут подвергнуться пересмотру в свете новых данных. «Четырнадцать лет, истекших со времени появления главного труда Моргана,— писал Ф. Энгельс в предисловии к четвертому изданию своей работы «Развитие социализма от утопии к науке»,—значительно обогатили наш материал по истории первобытных человеческих обществ... Некоторые отдельные гипотезы Моргана были в результате этого поколеблены или даже опровергнуты. Однако нигде вновь собранный материал не привел к необходимости заменить его существенные положения какими-либо другими»¹⁹.

За более чем восемьдесят лет, прошедших со времени выхода в свет работ Л. Г. Моргана и Ф. Энгельса, наукой был накоплен, систематизирован и обобщен огромный материал, который не был известен и не мог быть известен ни первому, ни второму. Однако основные принципиальные положения их работ не только остались непоколебленными, но, более того, нашли свое блестящее подтверждение в новых данных. В то же время новые открытия сделали необходимым пересмотр целого ряда сделанных Л. Г. Морганом и принятых Ф. Энгельсом выводов, причем иногда играющих немалую роль в их построениях.

В частности, в советской науке была подвергнута пересмотру изложенная в «Древнем обществе» схема периодизации первобытной истории. Создавая эту схему, явившуюся первой научной периодизацией истории первобытности, Л. Г. Морган исходил из материалистического понимания истории. Рассматривая совершенствование способа «добычи средств существования» как причину всех общественных изменений, он, естественно, положил в основу выделения периодов развития общества «изобретения и открытия», сделанные людьми в области материального производства.

При знакомстве с периодизацией Моргана нельзя не поразиться тому удивительному искусству, с которым он, несмотря на скудность имевшегося в его распоряжении фактического материала, смог выделить основные вехи в развитии производительных сил родового общества. Возникновение земледелия и скотоводства, с которыми Морган связывает переход от первого основного выделенного им этапа первобытной истории—дикости ко второму—варварству, в настоящее время всеми учеными рассматривается как крупнейший перелом в развитии материального производства доклассового общества, повлекший за собой важные сдвиги в общественном развитии. Как известно, многие зарубежные ученые именуют это событие неолитической или аграрной «революцией»²⁰.

Однако, наряду с несомненными достоинствами, периодизация Моргана обладала и недостатками, которые все более выявлялись в процессе развития науки. И дело совсем даже не в том, что у ряда этнических групп, стоявших на сравнительно высоких ступенях общественного развития, было обнаружено отсутствие таких «изобрете-

¹⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 22, стр. 225.

²⁰ V. G. Childe, *Social evolution*, London, 1951; M. S. Herskovits, *Cultural anthropology*, New York, 1955; R. S. Braidwood, *The agricultural revolution*, «Scientific american», т. 205, 1960, № 3.

ний и открытий», которые, по Моргану, были отличительными признаками этих и даже более низких стадий. Никакая периодизация не может охватить все многообразие исторического развития народов, учесть все имеющие место в действительности отступления, зигзаги, замедления и ускорения развития, заимствования и т. п. Она должна охватить объективную логику развития. А логическое есть «не что иное, как отражение исторического процесса в абстрактной и теоретически последовательной форме; отражение исправленное, но исправленное соответственно законам, которые дает сам действительный исторический процесс...»²¹.

Основной недостаток периодизации Моргана состоит в том, что она не была периодизацией истории собственно общества. Развитие производительных сил, несомненно, является основой развития общества, но оно не совпадает с ним. Даже крупные переломы в эволюции производительных сил не сразу и не автоматически ведут к изменению производственных, а тем самым и всех остальных общественных отношений. Что же касается более мелких сдвигов, то они, лишь суммируясь, могут привести к изменениям в социальных отношениях, вначале в экономических, а затем и в идеологических. Поэтому нельзя создать подлинную периодизацию истории общества, если принимать за критерий наступления нового этапа в его эволюции появление того или иного, даже крупного, сдвига в развитии производительных сил, причем эта периодизация тем дальше будет отстоять от периодизации истории собственно общества, чем более мелкие изменения в развитии производственной деятельности будут братья в ее основу.

Признаком наступления нового этапа в развитии общества является не изменение производительных сил, взятых самих по себе, а более или менее существенная перестройка производственных экономических отношений, совокупность которых образует базис, основу, фундамент общества. Изменение материальных отношений людей, из которых важнейшими являются отношения к средствам производства, влечет за собой изменение всех остальных, возникших как надстройка над первыми, т. е. преобразование всего общества.

Л. Г. Морган, как уже указывалось, был материалистом во взглядах на историю, но не сознательным, а стихийным. Он не выделял сколько-нибудь отчетливо ни производительные силы, ни производственные отношения и, естественно, не мог понять всей диалектики их взаимоотношений. Однако это не единственная и даже не главная причина создания Морганом именно такой, а не иной периодизации первобытной истории. Всякая научная периодизация в известном смысле всегда является итогом исследований в данной области. В эпоху, когда жил Морган, никакой другой сколько-нибудь разработанной периодизации первобытной истории создать было нельзя. «Морган был первый,— писал Ф. Энгельс, оценивая созданную им периодизацию первобытной истории,—кто со знанием дела попытался внести в предысторию человечества определенную систему, и до тех пор, пока значительное расширение материала не заставит внести изменения, предложенная им периодизация несомненно останется в силе»²².

В настоящее время, выражаясь словами Ф. Энгельса, «значительное расширение материала» сделало и возможным, и необходимым создание новой периодизации первобытной истории, которая в отличие

²¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 13, стр. 497.

²² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 28.

от моргановской представляет собой периодизацию истории собственно общества. И важно отметить, что если Л. Г. Морган и не создал подлинной периодизации первобытности то своим учением о первобытном обществе он заложил для этого прочную основу.

Открыв, что основной ячейкой доклассового общества является род и оно по своей структуре является обществом родовым, Морган в то же время совершенно правильно отметил, что возникновение рода не совпадает с появлением человека, что родовое общество возникло на довольно позднем этапе развития. Тем самым вся история человечества до возникновения классов естественно распадется на два крупных периода: дородовую эпоху и эпоху родового общества.

Состояние науки того времени не позволяло дать ответ ни на вопрос о времени сложения родовой организации, ни на вопрос о том, что ей предшествовало. Поэтому все, что писал Л. М. Морган о возникновении рода и о предшествующих ему формах устройства человеческого коллектива (орда, живущая в промискуитете, кровнородственная семья, семья пуналуа), носит чисто гипотетический характер.

В процессе дальнейшего развития науки вопрос о дородовом состоянии человечества стал постепенно проясняться. Огромное значение для создания подлинной периодизации первобытной истории имело известное высказывание В. И. Ленина, содержащееся в его письме А. М. Горькому, написанном в декабре 1913 г. Раскрывая в нем сущность данного последнего определения бога как комплекса идей, будящих и организующих социальные чувства, имеющих целью связать личность с обществом и обуздать зоологический индивидуализм, В. И. Ленин писал: «Почему это реакционно? Потому, что подкрашивает поповско-крепостническую идею «обуздания» зоологии. В действительности «зоологический индивидуализм» обуздала не идея бога, обуздало его и первобытное стадо и первобытная коммуна»²³.

Как явствует из рецензии В. И. Ленина на книгу А. Богданова «Краткий курс экономической науки»²⁴ и из работы «Государство и революция»²⁵, под первобытной коммуной он понимал родовую коммуны, род. Термином «первобытное стадо» В. И. Ленин, как это видно из контекста, обозначал первую форму объединения людей, первоначальный человеческий коллектив, непосредственно возникший из предшествовавшего ему стада животных и существовавший вплоть до превращения в первобытную коммуны.

Этот первоначальный, в полном смысле слова первобытный, человеческий коллектив отличался, как указывал В. И. Ленин, от стада животных. Это отличие он видел в том, что первобытное стадо людей не было, как всякое стадо любых животных, чисто биологическим объединением. Если бы первобытное стадо людей было таким объединением, то не имело бы никакого смысла говорить об обуздании им зоологического индивидуализма. Биологическое может быть обуздано лишь своей противоположностью — социальным, общественным. Процесс обуздания зоологического индивидуализма не может быть чем-либо иным, кроме как процессом борьбы социального с биологическим. Первобытное стадо было объединением, в котором шло обуздание животного эгоизма. Поэтому оно никак не может быть названо чисто животным, биологическим объединением. Но по этой же самой причи-

²³ В. И. Ленин, Соч., 4-е изд., т. 35, стр. 93.

²⁴ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 4, стр. 36.

²⁵ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 33, стр. 10.

не оно не может быть охарактеризовано и как подлинно человеческий коллектив, как подлинное человеческое общество. Первобытное стадо обуздывало зоологический эгоизм, но не могло обуздать его до конца. Полностью обузда зоологический индивидуализм лишь первобытная родовая коммуна. Возникновением ее завершился занявший весь период существования первобытного стада процесс обуздания зоологического индивидуализма, процесс борьбы социального и биологического. Первобытная родовая коммуна является, таким образом, первой формой объединения людей, в которой был полностью обуздан животный эгоизм, первым чисто социальным организмом, первой формой существования подлинного человеческого общества. Предшествовавшая появлению первобытной родовой коммуны эпоха первобытного стада была периодом превращения стада животных в человеческое общество, периодом становления, формирования человеческого общества. Первобытное стадо является формой, переходной между чисто биологическим и чисто социальным объединениями.

В приведенном высказывании В. И. Ленина получила свое развитие выдвинутая Ф. Энгельсом в работе «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека» мысль о существовании особого периода превращения стада животных в человеческое общество, являющегося одновременно и периодом превращения животного в человека²⁶. В. И. Ленин не только раскрыл сущность этого периода и ввел для его обозначения четкий и ясный термин «первобытное стадо», но и дал ответ на вопрос, в какой форме возникло подлинное человеческое общество. Оно появилось со сменой первобытного стада родом в форме родового общества. Родовое общество, таким образом, — первая конкретно-историческая форма существования готового, сложившегося, сформировавшегося человеческого общества, первая историческая стадия его развития. Указанные положения Ф. Энгельса и В. И. Ленина нашли свое полное подтверждение в процессе развития палеоантропологии и археологии.

На основе обобщения огромного фактического материала советскими антропологами была создана теория двух скачков в антропогенезе²⁷. Согласно этой теории в эволюции человека необходимо выделить два переломных момента. Первый и наиболее важный из них — отмеченный началом изготовления орудий переход от стадии животных, предшественников человека, к стадии формирующихся людей, которыми являются питекантроп (и другие сходные с ним формы) и неандертальцы. Второй переломный момент — смена неандертальца человеком современного физического типа, неантропом, являющимся готовым, подлинным человеком. Первый из них означает появление социальных закономерностей, второй — установление их полного и безраздельного господства в жизни людей. Подлинное человеческое об-

²⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 20, стр. 487—490.

²⁷ См.: Я. Я. Рогинский, К вопросу о периодизации процесса человеческой эволюции, «Антроп. журнал», 1936, № 3; его же, Некоторые проблемы позднейшего этапа эволюции человека в современной антропологии, Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. серия, т. II, М.—Л., 1947; его же, Основные антропологические вопросы в проблеме происхождения современного человека, Сб. «Происхождение человека и расселение древнего человечества», Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. серия, т. XVI, М., 1951; А. Н. Юзевич, Перерывы непрерывности в эволюции человека, «Природа», 1939, № 11; Г. Ф. Дебец, О систематике и номенклатуре ископаемых форм человека, «Краткие сообщения ИИМК», вып. 23, 1948; G. F. Debetz, The social life of early paleolithic man as seen through the work of the Soviet anthropologist. In: «Social life of early man», New York, 1961; В. П. Якимов, Ранние стадии антропогенеза, Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. серия, т. XVI и мн. др.

щество сложилось лишь с появлением человека современного типа, неантропа.

Открыв два переломных момента в антропогенезе, советские антропологи доказали существование периода становления общества, совпадающего с периодом формирования современного человека, и определили его рамки. Они доказали, что этот период открывается появлением первых людей — питекантропов и заканчивается с возникновением *Homo sapiens*, т. е. что он совпадает с ранним палеолитом, включающим дошелльскую, шелльскую, ашельскую и мустьерскую эпохи. Тем самым они указали на грань между ранним и поздним палеолитом как на границу, отделяющую возникающее общество формирующегося человека от сложившегося общества готового человека. Так было обосновано и конкретизировано положение Ф. Энгельса о том, что период формирования человека является одновременно и периодом становления человека, что общество возникает лишь с готовым человеком.

Несколько ранее советскими археологами П. П. Ефименко²⁸ и П. И. Борисковским²⁹ было высказано полностью подтвердившееся в ходе дальнейшего развития археологической науки предположение, что род возник в позднем палеолите, что смена раннего палеолита поздним кладет начало истории родового общества. Так совместными усилиями антропологов и археологов было полностью подтверждено и конкретизировано положение В. И. Ленина о том, что период формирования человеческого общества завершился возникновением родовой коммуны.

В настоящее время все советские ученые выделяют период первобытного человеческого стада и рассматривают его как эпоху формирования человека и становления человеческого общества³⁰. Характеристика, которую дают они первобытному человеческому стаду, совпадает в ряде черт с той, которую давал Л. Г. Морган первоначальному, по его мнению, объединению людей — орде, живущей в промискуитете. Все советские ученые считают, что половые отношения в первобытном стаде носили беспорядочный, неорганизованный характер.

Однако в отличие от Моргана, полагавшего, что орда с промискуитетом трансформировалась в кровнородственную семью, кровнородственная семья в пуналуальную и лишь последняя породила из себя род, советские ученые считают, что между первобытным стадом и родовой коммуной нет никаких промежуточных ступеней, что первобытное стадо непосредственно превратилось в род. Подавляющее большинство советских исследователей в настоящее время не разделяют гипотезы Л. Г. Моргана о кровнородственной семье и семье пуналуа. Они исходят из того, что появление первой формы брака совпадает

²⁸ П. П. Ефименко, Значение женщины в ориньякскую эпоху, «Изв. ГАИМК», т. 11, 1931, вып. 3—4.

²⁹ П. И. Борисковский, К вопросу о стадильности в развитии верхнего палеолита, «Изв. ГАИМК», т. 14, 1932, вып. 4.

³⁰ См. С. П. Толстов, К вопросу о периодизации истории первобытного общества, «Сов. этнография», 1946, № 1; М. О. Косвен, О периодизации первобытной истории, «Сов. этнография», 1953, № 3; его же, Очерки истории первобытной культуры, М., 1957; П. П. Ефименко, Первобытное общество, Киев, 1953; П. И. Борисковский, Древнейшее прошлое человечества, М.—Л., 1957; А. И. Першиц, Развитие форм собственности в первобытном обществе как основа периодизации его истории, Сб. «Проблемы истории первобытного общества», Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. серия, т. LIV, М.—Л., 1960 и др. Эволюция первобытного человеческого стада от его возникновения до превращения в родовую коммуну подробно рассмотрена в монографии автора; см. Ю. И. Семенов, Возникновение человеческого общества, Красноярск, 1962.

с возникновением экзогамии и рода. Брачные отношения возникли не как отношения между индивидами, а как отношения между коллективами, родами. Формой существования этих отношений была дуально-родовая организация. Брак первоначально был групповым, дуально-родовым и, как полагает ряд советских ученых, дислокальным, т. е. половые партнеры принадлежали к разным хозяйственным коллективам и жили раздельно³¹. В силу дислокальности брака первоначальный род мог быть только матрилинейным³². Взгляда на первоначальный род как на материнский придерживаются все советские ученые независимо от их точки зрения по вопросу о локальности первоначального брака.

Как видно из сказанного, пересмотру в советской науке подверглись не только предложенная Л. Г. Морганом периодизация первобытной истории, но и созданная им схема эволюции семейно-брачных отношений. Однако, отбрасывая положение Morgana о кровнородственной семье и семье пуналуа как стадиях, предшествующих роду, советские этнографы в то же время всецело принимают лежащую в основе его схемы мысль о том, что развитие семейно-брачных отношений шло от промискуитета через групповой брак к парному и дальше к моногамному. Ошибаясь в частности, Л. Г. Морган оказался правым в главном и основном.

Нужно, однако, отметить, что этого основного Morgana не сумел отделить от второстепенного. Для него отказ от кровнородственной семьи и семьи пуналуа был бы равносильен отказу от теории группового брака. Другую позицию занимал Ф. Энгельс. Если в первом издании «Происхождения семьи, частной собственности и государства» он полностью присоединяется ко взглядам Morgana на кровнородственную семью, то в четвертом, ознакомившись с исследованиями Л. Файсона и А. Хауитта, он видоизменяет свою точку зрения. Обратив внимание на тот факт, что двухклассовая (двухфратриальная) система австралийцев в том виде, как мы ее знаем, не ставит препятствий для брачных отношений между лицами, принадлежащими к разным поколениям, Ф. Энгельс указал на возможность возникновения этой системы непосредственно из промискуитета. «Таким образом,— пишет он,— или эта организация возникла в ту пору, когда, при всем смутном стремлении ограничить кровосмешение, люди не видели еще ничего особенно ужасного в половых связях между родителями и детьми,— и в таком случае система классов возникла непосредственно из состояния неупорядоченных половых отношений,— или же половая связь между родителями и детьми была уже воспрещена обычаем к моменту возникновения брачных классов, и в таком случае современное состояние указывает на существование перед тем кровнородственной семьи и представляет первый шаг к отказу от нее. Последнее более вероятно. Насколько мне известно, примеров брачных отношений между родителями и детьми в Австралии не приводится...»³³. Ф. Эн-

³¹ См. С. П. Толстов, *Пережитки тотемизма и дуальной организации у туркмен*, «Проблемы истории докапиталистических обществ», 1935, № 9—10; А. М. Золотарев, *Очерк истории родового строя* — рукопись, хранящаяся в научном архиве Ин-та этнографии АН СССР; М. О. Косвен, Аванкулат, «Сов. этнография», 1948, № 1; его же, *Очерки истории первобытной культуры*, М., 1957; Ю. И. Семенов, *К вопросу о причине матрилинейности первоначального рода*. «Уч. зап. Красноярского гос. пед. ин-та», т. 13, 1958, вып. 2; его же, *Возникновение человеческого общества*, Красноярск, 1962.

³² См. Ю. И. Семенов, *Указ. работы*.

³³ К. Маркс и Ф. Энгельс, *Соч.*, т. 21, стр. 48.

гельс, как видно из приведенного выше отрывка, допускает две равноправные гипотезы: одну — отрицающую кровнородственную семью, другую — допускающую ее существование в прошлом. Гипотезу кровнородственной семьи он принимает условно, поскольку ему неизвестны факты, ей противоречащие. Для Ф. Энгельса, таким образом, вопрос о том, существовала ли кровнородственная семья или не существовала, не является принципиальным. Для него это лишь вопрос фактов.

Вызывала у Ф. Энгельса серьезные сомнения и семья пуналуа. Если в первом издании своей работы он примыкает ко взгляду Моргана на пуналуальную семью как на всеобщую стадию в развитии семейно-брачных отношений, то в дальнейшем он отходит от такой точки зрения. В четвертом издании своего труда Ф. Энгельс неоднократно подчеркивает, что семья пуналуа лишь одна из многих форм семьи, основанной на групповом браке, что суть не в семье пуналуа, а в групповом браке³⁴. При подготовке четвертого издания своего труда Ф. Энгельс везде, где это было возможно, слова «семья пуналуа» заменил словами «групповой брак».

Как мы видели выше, Ф. Энгельс оказался прав в своих сомнениях. Кровнородственная семья и семья пуналуа действительно оказались слабейшими местами в моргановской схеме развития семейно-брачных отношений. Роду не предшествовала ни кровнородственная семья, ни семья пуналуа. Он непосредственно возник из первобытного человеческого стада.

После выделения эпохи первобытного стада в качестве особого этапа первобытной истории остается период, охватывающий время от возникновения рода до появления классового общества. В нем всеми советскими учеными в свою очередь выделяется два основных этапа: эпоха собственно родового общества и эпоха его превращения в классовое³⁵.

Выделение этих двух эпох намечается уже в рассматриваемой книге Л. Г. Моргана «Древнее общество», в которой для обозначения второй из них вводится даже особый термин «военная демократия»³⁶. Этот термин употребляется и в работе Ф. Энгельса, в которой, как известно, дан глубокий анализ процесса становления частной собственности, классов и государства.

Как уже указывалось, советские ученые разделяют положение Л. Г. Моргана и Ф. Энгельса о том, что первоначальный род был материнским и что превращение его в отцовский связано с разложением родовой коммуны. Это положение нашло обоснование в многочисленных работах³⁷. Но в то же время они учитывают, что если разложение коллективной собственности и возникновение частной с необходимостью порождает тенденцию к смене материнской филиации отцовской, то реализация этой тенденции зависит от конкретных исторических условий. В одних случаях смена материнского счета родства

³⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 47.

³⁵ См. С. П. Толстов, Военная демократия и проблема «генетической революции», «Проблемы истории докапиталистических обществ», 1935, № 7—8; его же, К вопросу о периодизации истории первобытного общества, «Сов. этнография», 1946, № 1; М. О. Косвен, К вопросу о военной демократии, Труды ин-та этнографии АН СССР, нов. серия, т. LIV, М.—Л., 1960; А. И. Першиц, Развитие форм собственности в первобытном обществе как основа периодизации его истории, там же, и др.

³⁶ Л. Г. Морган, Указ. раб., стр. 87, 125, 144, 161 и др.

³⁷ Библиографию по этому вопросу см. в работе М. О. Косвена «Матриархат. История проблемы».

отцовским может произойти довольно рано, в других — очень поздно, иногда даже только в раннеклассовом обществе. Поэтому, если наличие в каком-либо обществе патрилинейной филиации и отцовского рода свидетельствует о том, что оно уже в какой-то степени затронуто процессами разложения, то сохранение в том или ином обществе материнской филиации и даже материнского рода, взятое само по себе, еще ничего не говорит о том, на какой стадии развития оно находится. Оно может быть и родовым обществом, находящемся на любой стадии развития, и формирующимся классовым и даже раннеклассовым. Вследствие этого в основу периодизации родового общества должны быть положены не смена форм филиации, а те глубокие изменения, которые лежат в основе этой смены, изменения в производственных отношениях, прежде всего в отношениях собственности.

Таким образом, периодизация первобытной истории, разработанная советскими учеными на основе обобщения нового фактического материала, отличаясь от периодизации, изложенной в «Древнем обществе» и принятой в «Происхождении семьи, частной собственности и государства», в то же время основывается на тех принципиальных положениях, которые были выдвинуты и обоснованы Л. Г. Морганом и Ф. Энгельсом в указанных работах.

Весь ход развития этнографии, антропологии и археологии, заставляя пересматривать те или иные отдельные конкретные выводы Л. Г. Моргана и Ф. Энгельса, вместе с тем каждым своим шагом все в большей и большей степени подтверждает правильность их основных принципиальных положений. Практика показывает, что только руководствуясь этими положениями, можно разобраться в том огромном материале, который доставляет наука, можно создать такую картину первобытного общества, которая все больше будет соответствовать действительности. К объективной истине можно прийти лишь по пути, проложенному Л. Г. Морганом и Ф. Энгельсом. Всякий иной путь ведет в сторону от создания цельного и истинного учения о первобытности.

SUMMARY

The earliest works of Marx and Engels contain the thesis that class society was preceded by a classless society. Their ideas about the inner structure of the primitive-communal society took final shape after they became familiar with Morgan's work on «Ancient Society». In advancing his principles on primitive society, the latter proceeded from a materialist interpretation of history — but in his case it had a spontaneous, and consequently limited, character. This prevented Morgan from revealing the very essence of the process of the rise of social classes and the state. A solution of these problems was provided only by Engels, in his work «The Origin of the Family, Private Property and the State».

The material amassed by science in our day, while bearing out the fundamental theses of these works, at the same time necessitates a revision of several conclusions which they contain. In particular, we can today advance a new scheme of the period division of prehistory — a scheme that gives a more profound reflection of reality than the pattern offered by Morgan in his time. This new scheme is based on Morgan's idea of a clan forming the basic nucleus of pre-class society. Proceeding from ethnological, archeological and anthropological data, Soviet investigators have come to the conclusion that the pre-clan stage, or the period of the primitive human horde (which, as it has transpired, corresponds to the Lower Paleolithic), should be regarded as the period of the rise of human society and the formation of man. At the turn of the Lower Paleolithic, early man (Pithecanthropus, Neanderthaler) evolved into Homo sapiens, and the human horde, into the primitive clan commune. Without sharing Morgan's view on the consanguineous family and the Puna-

luan family as preceding the clan, Soviet investigators accept the thesis underlying Morgan's scheme of the evolution of the family and marriage — the thesis postulating that this evolution proceeded from promiscuity through group marriage to the pairing family and monogamy. They establish a connection between the first type of marriage and the emergence of exogamy and the clan. The period embracing the phase from the rise of the clan to the appearance of classes and the state is divided by Soviet investigators into two main stages: the stage of clan society proper, and the stage of its transformation into class society.

Almost all Soviet scientists adhere to the idea advanced by Morgan and Engels that initially the clan was matriarchal, and that its transformation into a patriarchal clan was connected with the disintegration of tribal communism. They are fully aware, however, that, while the disintegration of collective property and the rise of private property necessitate the trend whereby matriarchy is superseded by patriarchy, the materialization of this trend depends on concrete conditions. In some instances, this may occur at an early date, in others, at a much later period.
